

оригинальная статья

УДК 159.9+316.42

Массовые информационные запросы в ситуации пандемии COVID-19: психологические детерминанты и особенности

Елена Павловна Белинская

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва; <https://publons.com/researcher/2675973>; elena_belinskaya@list.ru

Елена Олеговна Цикина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва

Елена Александровна Столбова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва

Поступила в редакцию 15.04.2021. Принята в печать 17.05.2021.

Аннотация: Представлены результаты исследования информационно-поискового поведения пользователей в Интернете в период пандемии. На предварительном этапе было выявлено, что по мере распространения эпидемии и введения режима самоизоляции происходило постепенное снижение количества информационных запросов, связанных с темой пандемии, и наблюдалась относительная независимость содержательных характеристик поисковых запросов от официальных заявлений российских властных субъектов. Это задавало необходимость изучения социокогнитивных детерминант динамики информационного поиска, в частности характера сопутствующих социальных атрибуций. Также на начальном этапе распространения коронавируса была выявлена тенденция смещения содержания массовых поисковых запросов в сторону позитивно окрашенной информации, которая предположительно отражала влияние эффекта контррегуляции на информационный поиск, что потребовало введения в анализ личностных и ситуационных предикторов. Результаты основного этапа исследования свидетельствуют, что оценки рисков, характер атрибуции ответственности и восприятие возможности субъективного контроля за развитием событий в ситуации распространения COVID-19 имеют амбивалентный характер, реализуясь в дихотомии *личное – коллективное*. Разница эмоциональных предпочтений в информационном поиске между респондентами, болевшими и не болевшими коронавирусной инфекцией, не существенна, однако она наблюдается между ними по текущему аффективному состоянию. Выявленная значимая связь проблемно-ориентированных стратегий проактивного совладания (рефлексивного, стратегического и превентивного копинга) с эмоциональными предпочтениями в информационном поиске взаимосвязана с вовлеченностью как одним из параметров осознанности.

Ключевые слова: информационный поиск, осознанность, проактивное совладание, аффективные состояния, эффект контррегуляции, субъективный контроль

Цитирование: Белинская Е. П., Столбова Е. А., Цикина Е. О. Массовые информационные запросы в ситуации пандемии COVID-19: психологические детерминанты и особенности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 427–437. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-427-437>

Введение

Прошло уже больше года, как человечество столкнулось с коронавирусной инфекцией. В отличие от других глобальных угроз, ситуация пандемии не имеет аналогов в силу как минимум трех ее особенностей: всеобщности, неопределенной длительности и малой предсказуемости проявлений самого заболевания и его последствий, что заставляет исследователей говорить о кумулятивном характере данного стрессора [1; 2]. Внимание к социогуманитарным следствиям пандемии характерно для исследований разной дисциплинарной принадлежности, для психологии свойственно обращение к трем темам: 1) предметом психологического анализа являются проявления аффективных реакций в период пандемии – чувства неопределенности, тревоги и страха [3–8], в частности в группах риска [9; 10];

2) изучение динамики когнитивных и поведенческих реакций человека в данной ситуации, в том числе через исследование новых способов совладания [11–13]; 3) исследование социально-психологических аспектов воздействия этого коллективного стрессора – анализ установок и социальных верований, характерных для данной ситуации [2], возможных атрибуций причинности ее возникновения [1; 14], закономерностей социально-психологической адаптации в целом [15] и поддержания субъективного благополучия [12]. Подчеркнем, что из трех выделенных тем последняя является на данный момент наименее эмпирически разработанной.

С нашей точки зрения, уникальность картины психологических и социально-психологических последствий

пандемии во многом связана с тем, что переживание опыта глобальной угрозы происходит преимущественно в информационном пространстве: при карантинных мерах сужение границ физического мира сопровождается существенным расширением границ мира виртуального. Уточним, что дело не только в очевидных проявлениях повышенной виртуальности в виде удаленной работы или учебы, перехода привычных способов потребления в онлайн-режим, а также вынужденной необходимости менять привычки досуга и развлечений. Представляется, что в подобной ситуации возрастает потребность в поиске информации, и потому интересным исследовательским вопросом становится динамика количества и содержания массовых информационных запросов в зависимости от тех или иных объективно фиксируемых социальных событий – объявлений начала / конца социальной изоляции, показателей заболеваемости / смертности от COVID-19, заявлений официальных представителей власти в массмедиа и т. п. На сегодняшний день подобных исследований еще очень немного, но те, что есть, свидетельствуют о наличии зависимостей, которые не всегда имеют однозначные объяснения.

Например, в одном из недавних исследований влияния официальных распоряжений правительства США в связи с быстрым распространением COVID-19 на состояние психического здоровья жителей страны [16] выявлено, что поисковые запросы о негативных аспектах психического здоровья резко увеличивались за несколько дней до заявлений представителей власти и столь же быстро снижались после них, причем эта динамика в гораздо меньшей степени была выражена для поисковых запросов относительно физического здоровья и симптомов заболевания. Авторы объяснили данный результат прямым воздействием на массовые настроения самого факта властных заявлений, снижающих у населения переживание неопределенности. Не отрицая этого (хотя очевидно, что полученные закономерности могут меняться в зависимости от уровня доверия населения субъектам власти и длительности воздействия стрессора), можно выдвинуть и дополнительное объяснение: не исключено, что подобная динамика испытывала влияние других психологических закономерностей, а именно эффекта контррегуляции, согласно которому содержание интернет-поиска субъекта в ситуации переживания им негативной аффективной реакции смещается в сторону позитивной информации [17]. Тем самым представляется, что изучение массовых информационных запросов в период пандемии может и должно включать в себя не только анализ количественных показателей, но и их тематический анализ с последующей социально-психологической интерпретацией.

Исходным основанием для эмпирического освоения поставленной задачи послужило наше исследование, проведенное еще в начале распространения коронавируса в России [18]. Исследование проводилось на основе данных поисковой системы Яндекс; случайным образом было выбрано

и проанализировано 5 млн поисковых запросов, из которых впоследствии были отобраны запросы, тематически связанные с распространением COVID-19 и введением режима самоизоляции; для сбора и анализа данных использовались количественные и качественные методы класса Data Mining, а также контекстный анализ. Полученные на тот момент (весна 2020 г.) результаты в целом свидетельствовали о следующем:

1. По мере роста заболеваемости и введения режима самоизоляции происходило постепенное снижение количества информационных запросов, связанных с темой пандемии. При этом если на начальном этапе прослеживалась их содержательная взаимосвязь с официальными заявлениями российских властных субъектов, то в конце первого периода самоизоляции она практически не наблюдалась, что в определенной степени противоречило закономерностям, выявленным в других странах [7; 19], и интерпретировалось нами как косвенный признак недоверия населения к власти и проявление склонности к конспирологическим версиям объяснения происходящего, что отмечалось и в других работах [1; 14; 20]. Это задавало для дальнейшего исследования необходимость изучения социокогнитивных детерминант динамики информационного поиска, в частности характера сопутствующих ему социальных атрибуций.

2. Мы наблюдали крайне слабую выраженность интереса пользователей к поиску информации о способах специализированной психологической помощи и / или самопомощи в связи с пандемией, что несколько парадоксально сочеталось с данными других отечественных и зарубежных исследований, свидетельствующих о повсеместном росте психопатологической симптоматики (депрессии, тревоги, фобий) по мере распространения COVID-19 [4–6; 8; 9; 13; 21]. Несмотря на очевидную возможную интерпретацию подобного рассогласования результатов (использование для поиска подобной информации других источников, нежели данных поисковой системы Яндекс), стоило учесть факт, что данные, полученные с помощью традиционных шкальных опросников, могут не совпадать с данными методов класса Data Mining. Это задавало необходимость в дальнейшем детализировать полученные результаты с помощью другого методического инструментария.

3. Наблюдалось значимое рассогласование количества информационных запросов, касающихся состояния российской экономики в целом, с поиском информации, связанной с «личной экономикой», – в пользу последней. Это не только совпадало с данными других исследований [10; 15], но и заставляло предположить, что содержание массового информационного поиска может быть реинтерпретировано с точки зрения отражения в нем соотношения общего и индивидуального интереса.

4. Была выявлена тенденция смещения содержания массовых поисковых запросов в сторону позитивно окрашенной информации. С нашей точки зрения, она отражала влияние эффекта контррегуляции [17], т. е. являлась

компенсаторной по своему смыслу. Это предположение требовало более детального изучения через введение в анализ как минимум двух дополнительных факторов: личностных характеристик пользователей и ситуационных предикторов информационного поведения.

Иными словами, перед нами встала задача более детального анализа содержания массовых поисковых запросов в сочетании с включением в него социокогнитивных, ситуационных и личностных детерминант.

Актуальное исследование включало в себя две взаимосвязанные части:

1) в целях более детального изучения поисково-информационного поведения человека в ситуации коллективной угрозы, вызванной распространением COVID-19, и отражения в нем тех или иных социальных атрибуций как факторов социокогнитивного уровня был проведен тематический анализ данных 42 официальных отчетов компании «Яндекс» «О реакции пользователей сервисов Яндекса на проблему коронавируса» за период с 5 апреля по 30 декабря 2020 г., основанных на более 500 млн поисковых запросов;

2) в целях изучения личностных и ситуационных факторов поисково-информационного поведения было проведено исследование взаимосвязи особенностей проактивного совладания, уровня осознанности, текущего позитивного / негативного аффекта и эмоциональных предпочтений информационного поиска. Выборка этого этапа исследования составила 114 человек, активных пользователей сети Интернет, возраст – 18–60 лет.

Выбор в качестве личностных характеристик пользователей, потенциально связанных с особенностями их информационного поведения в период пандемии, стратегий проактивного совладания с трудными жизненными ситуациями и уровня осознанности определялся следующими соображениями: 1) ситуация переживания глобальной угрозы неопределенной длительности очевидно предъявляет повышенные требования к субъекту в плане актуализации новых ресурсов для поддержания своего психологического благополучия, а ориентированный на предвосхищение трудностей проактивный копинг и осознанность, понимаемая как способность к формированию новых когнитивных и социальных умений, могут выступать таковыми [6; 12; 22]; 2) наличием эмпирических фактов о связи отношения к глобальным рискам и специфики копинг-ответов, в том числе проактивного характера [11; 23]; 3) существованием эмпирических данных о связи стратегий проактивного совладания и уровня осознанности в целом [24; 25].

В качестве ситуационного параметра, потенциально влияющего на предпочтение информации определенного эмоционального знака (позитивной, негативной или нейтральной), было выбрано текущее аффективное состояние пользователя. Подобный выбор основывался на экспериментальном изучении эффекта контррегуляции [17] и эмпирических данных начального этапа исследования [18].

Гипотезы исследования:

1. Оценка рисков, атрибуция ответственности и восприятие возможности субъективного контроля за развитием событий в содержании массовых информационных запросов пользователей по темам, связанным с распространением коронавируса, имеет амбивалентный характер, реализуясь в дихотомии *личное – коллективное*.

2. Эмоциональные предпочтения в поиске информации о COVID-19 взаимосвязаны с актуальным переживанием пользователем угрозы личного заражения коронавирусом, причем опосредующим фактором этой связи является текущее аффективное состояние субъекта.

3. В ситуации глобальной угрозы стратегии проактивного совладания с трудностями и уровень осознанности субъекта связаны с его эмоциональными предпочтениями в информационном поиске.

Методы и методики исследования

1. Методом тематического анализа вопросов пользователей по темам *коронавирус и карантин*, зафиксированных поисковой системой Яндекс и приведенных в официальных отчетах компании, было выделено 4 тематических блока, в которые вошли вопросы, отражающие пользовательские оценки рисков, связанных с пандемией; характер социальных атрибуций, в частности атрибуции ответственности и субъективного контроля за развитием событий; содержание наиболее трудных жизненных проблем, связанных с распространением COVID-19.

2. Авторский опросник о предпочтении позитивной / негативной / нейтральной информации о COVID-19; используемых источниках получения подобной информации (информационные поисковые системы, социальные сети, массмедиа, личные разговоры); факте заражения и болезни COVID-19 самим респондентом или близким другом / членом его семьи; доминирующем режиме работы / учебы (онлайн, офлайн, смешанный формат) в период пандемии.

3. Шкала позитивного и негативного аффекта (PANAS) в адаптации Е. Н. Осина [26] для учета текущего эмоционального состояния пользователей, включающая в себя список из 20 различных эмоций, подлежащих оценке по лайкертовской шкале, которые переживались за период вынужденной социальной изоляции.

4. Опросник Е. Грингласс «Проактивный копинг» в адаптации Е. П. Белинской и др. [27], включающий в себя 6 шкал, соответствующих стратегиям проактивного совладания: отношение человека к трудной ситуации как источнику позитивного опыта; когнитивная оценка ресурсов, возможных вариантов поведения и прогноз результатов; способность планирования будущих действий с дифференциацией отдельных задач; способность предвосхитить трудные ситуации с опорой на прошлый опыт; поиск информации от других людей для решения возможной трудной ситуации; способность к регуляции своего эмоционального состояния посредством возможной коммуникации с другими людьми.

5. Опросник Э. Лангер «Шкала осознанности» в адаптации Е. П. Белинской и М. Р. Джураевой [24], включавший в себя три субшкалы: открытость новому знанию; способность к формированию новых категорий; вовлеченность в новые социальные отношения благодаря когнитивной гибкости и чувствительности к контексту взаимодействия.

При статистической обработке полученных результатов использовались показатели описательной статистики, корреляционный анализ с помощью коэффициента Пирсона, дисперсионный анализ по критерию Фишера.

Результаты

Обратимся вначале к данным, полученным в результате тематического анализа официальных отчетов компании Яндекс. В первую очередь, нас интересовало, как в массовом информационном поиске представлена динамика запросов, связанных с угрозой личного заражения коронавирусом, т. е. поиск информации, носящей очевидно негативный характер. Оказалось, что вопросы, посвященные этой теме, входят в топ-5 только в начале распространения коронавируса в нашей стране и имеют определенный нюанс: *Насколько велик риск заразиться коронавирусом для обычного человека?* Иными словами, на начальном этапе большинство пользователей не рассматривали риск заболевания как угрозу для себя лично, относя к группе риска не похожих на себя, «необычных» людей. Так, последний раз вопрос о риске заражения вошел в топ-5 в начале июля 2020 г., а вопрос о потенциальной смертности от коронавируса в мире вошел в отчет только один раз. Столь малый интерес к риску заражения и смерти от коронавируса может быть, конечно, связан с объективными обстоятельствами: во-первых, с широким освещением статистики по коронавирусу в альтернативных источниках информации (прежде всего – ТВ), во-вторых, с низким процентом заболевших и умерших от COVID-19 в России по сравнению с другими странами. Однако, представляется, что в дальнейшем, по мере распространения заболевания, он может объясняться и сугубо психологическими причинами, а именно переживанием угрозы заражения на коллективном, а не личном уровне, при котором снижается оценка серьезности самой угрозы и, как следствие, интерес к этой теме [28]. Тем самым можно предположить, что оценка риска личного заражения снижалась пользователями в силу актуализации определенной социальной идентичности – сначала принадлежности к «обычным» людям (которым нечего бояться, в отличие от «необычных»), а затем – к «таким, как все» (которые не боятся в силу своей численности).

Особенности атрибуции ответственности пользователей и оценка ими возможности субъективного контроля в ситуации пандемии имели свою динамику и в целом носили выраженный амбивалентный характер. В начале эпидемии в нашей стране в топ-5 входили вопросы, отражающие интерес к действиям фигур официальной власти разного уровня (*Что сказал Путин губернаторам*

на совещании по коронавирусу?, *Почему Собянин продолжает держать Москву под карантином, если Путин разрешил регионам его снимать?*). При этом они сочетались с высокой частотностью вопросов об эффективности мер личной профилактики и о первых симптомах заболевания (например, в топ-5 апреля: *Если першение в горле является одним из симптомов, может ли полоскание горла быть профилактической мерой?*). Однако в дальнейшем, начиная с осени 2020 г., вопросы о властном контроле за ситуацией в топ-5 уже не входили, сменяясь поисковыми запросами конкретного личного характера (например: *Где в нашем городе можно сдать тест на антитела?*). Атрибуции внешней, обращенной к официальной власти ответственности практически исчезали, уступая место внутренним: высокая частотность вопросов о симптомах заражения, оставаясь константой за весь период исследования, начала сочетаться с вопросами о способах самолечения (с конца лета 2020 г. в топ-5 входит характерный вопрос – *Как лечатся дома заболевшие коронавирусом?*).

С нашей точки зрения, это связано с тем, что мышление угрозы довольно быстро сменилось мышлением вызова, при котором человек больше концентрируется на собственных усилиях при решении проблемы, нежели ориентируется на внешние источники ее устранения. Одновременно в топ-5 начинают входить вопросы, обращенные непосредственно к другим пользователям, имеющим личный опыт преодоления ситуации заболевания коронавирусной инфекцией (*Люди, переболевшие или болеющие коронавирусом, расскажите, как проходят ваши лечение и карантин?*). Интересно, что вопросы о личном карантине в случае заболевания, правила которого достаточно подробно были представлены в официальных источниках, также обращены в основном к личному опыту других пользователей. Такая особенность не только косвенно отражает стремление пользователей быть готовыми к проблемам, которые возникнут в результате заражения, но и возможное недоверие к действиям официальной медицины. Подобную ситуацию можно было бы однозначно квалифицировать как сдвиг атрибуции ответственности от внешнего к внутреннему полюсу, если бы не ее сочетание с полным отсутствием в топ-5 каких-либо вопросов о вакцинации на протяжении всего исследуемого периода и постепенным исчезновением (к осени 2020 г.) информационных запросов о прогнозах на будущее (о возможных волнах распространения коронавируса, потенциальных сроках новых периодов социальной изоляции для тех или иных групп населения и т. п.). Обе эти темы имеют отношение к личной безопасности субъекта, и потому их игнорирование заставляет говорить о более сложной ситуации атрибутирования: возможность заболевания и связанные с этим трудности воспринимаются пользователями как сугубо личное дело, а необходимость принятия мер по обеспечению индивидуальной и общественной безопасности (прививка от COVID-19) видится как коллективная ответственность, которой можно

и пренебречь. Косвенно об этом свидетельствует и нарастающее критическое отношение пользователей к угрозе коронавируса в целом: с лета 2020 г. в топ-5 информационных запросов о коронавирусе начинают входить вопросы, обращенные к деперсонифицированной власти и начинающиеся со слова *почему...*, имеющие не конкретный, а риторический характер, что в сочетании с отсутствием запросов о будущих коллективных проблемах, связанных с пандемией, свидетельствует о том, что данная ситуация начинает восприниматься пользователями как часть их повседневной жизни.

Какими же трудностями характеризуется эта повседневность? Здесь высокая вариативность вопросов зависит от конкретного этапа распространения коронавирусной инфекции в нашей стране: в то или иное время в топ-5 входят вопросы о проблемах, связанных с посещением школ / вузов и торговых центров, работой кинотеатров и музеев, взаимодействием с полицией, о возможности снятия ограничений на поездки / перелеты и т. п. Единственной константой в содержании информационных запросов на протяжении всего исследуемого периода остаются вопросы о личных финансовых проблемах в связи с пандемией: о том, как и где получить выплату владельцам малого бизнеса, что положено матерям-одиночкам и малоимущим, будут ли выплаты на детей от 16 до 18 лет, вопросы об оформлении и оплате больничных листов в связи с коронавирусом и др. Напомним, что абсолютное доминирование личной финансовой темы – при этом в сочетании с малым интересом к общим экономическим проблемам страны в связи с пандемией – отмечалось нами и на предварительном этапе исследования [18].

Итак, на начальном этапе распространения коронавирусной инфекции большинство пользователей поисковой системы Яндекс не рассматривали для себя риск заболеть COVID-19 как реальную угрозу, относя к группе риска только «необычных» людей, непохожих на себя. В дальнейшем, в ситуации роста числа случаев заболеваемости и смертности «обычных» людей, снижение оценки угрозы заболевания для себя лично поддерживалось, с одной стороны, коллективным характером переживания эпидемии, а с другой – сменой мышления угрозы на мышление вызова, благодаря атрибуции личной ответственности. Последняя, однако, имела противоречивый характер, касаясь только необходимости личного контроля за симптоматикой и течением заболевания и не затрагивая зон коллективного риска, что в определенной степени связано с переходом восприятия пандемии в ситуацию повседневности, где основной трудностью становится решение личных финансовых проблем.

Тем самым представляется возможным считать подтвержденной первую гипотезу исследования относительно амбивалентного характера оценки рисков, атрибуции ответственности и восприятия возможности субъективного контроля за развитием событий в ситуации распространения COVID-19.

Целью второго этапа исследования, включающего в себя использование психологических шкальных опросников и проведенного на ограниченной выборке, была проверка гипотез о возможных личностных и ситуационных детерминантах информационного поведения человека в ситуации пандемии. Выявление взаимосвязи эмоциональных предпочтений в поиске информации о COVID-19 (поиск позитивной, негативной, нейтральной информации) с переживанием пользователем угрозы личного заражения показало следующее. Для операционализации переживания угрозы заболевания мы предположили, что ситуация, когда респондент еще не болел или думает, что не болел, воспринимается им как ситуация личной угрозы, а ситуация, когда респондент уже переболел или думает, что переболел, воспринимается как ситуация вызова / повседневности. В связи с этим была введена независимая переменная *Я болел / не болел COVID-19* (табл. 1).

Табл. 1. Статистика при анализе таблиц сопряженности фактора *Я болел / не болел COVID-19* с эмоциональным предпочтением в информационном поиске

Tab. 1. Contingency tables factor for *I had / didn't have COVID-19* with emotional preference in on-line search

Шкала	Значение	ст. св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	1,788	3	0,617
Отношение правдоподобия	1,790	3	0,617
Линейно-линейная связь	1,729	1	0,188
Количество валидных наблюдений	114	–	–

Разница эмоциональных предпочтений в информационном поиске между респондентами, болевшими и не болевшими коронавирусной инфекцией, не существенна. Однако нельзя исключить, что эмоциональные предпочтения при поиске информации о COVID-19 могут быть связаны с актуальным переживанием угрозы личного заражения опосредованным образом, завися не столько от характера восприятия респондентами угрозы заболевания для себя лично, сколько от каких-либо личностных и / или ситуационных факторов. Согласно второй гипотезе исследования мы предполагали, что одним из таких ситуационных факторов может быть текущее аффективное состояние субъекта. Ее проверка подразумевала обнаружение корреляционных зависимостей между переменными *Я болел / не болел COVID-19*, текущим аффективным состоянием и эмоциональными предпочтениями в информационном поиске.

При использовании t-критерия равенства средних была выявлена значимая связь ($t(65,49)=2,426, p=0,017$)

между текущим аффективным состоянием респондентов и фактором *Я болел / не болел*, разница в текущем аффективном состоянии между респондентами, переболевшими COVID-19 и не болевшими, отражена в табл. 2. Выраженность негативных переживаний (страха, тревоги, неуверенности и т. п.) выше в группе респондентов, которые не находятся в ситуации актуальной личной угрозы здоровью, такие эмоции более свойственны другой группе респондентов и одновременно сопровождаются более выраженными позитивными аффективными состояниями. Следует отметить, что это совпадает с эмпирическими данными других исследований, согласно которым в максимальной степени уязвимыми для негативных переживаний по поводу COVID-19 оказываются не люди из объективных групп риска, а, напротив, люди здоровые и активные [9]. При этом респонденты с текущим позитивным аффектом предпочитали позитивную информацию о заболевании, а респонденты с текущим негативным аффектом – негативную информацию (табл. 3). Дисперсионный анализ выявил существенную, значимую, связь текущих эмоций с эмоциональными предпочтениями в поиске информации о COVID-19: $F(3,110)=13,059, p<0,001$.

В целях проверки третьей гипотезы определялись взаимосвязи стратегий проактивного совладания и уровня осознанности как личностных детерминант эмоциональных предпочтений информационного поиска в ситуации переживания пандемии (табл. 4). Значимыми оказались корреляции с такими проактивными копинг-стратегиями,

как рефлексивное совладание, стратегическое планирование, превентивное совладание и поиск эмоциональной поддержки. Для проверки их содержательной достоверности был проведен дисперсионный анализ связи фактора предпочтения позитивной / негативной информации с проактивным копингом (табл. 5). Значимая связь эмоциональных предпочтений в информационном поиске обнаружена со стратегиями рефлексивного, стратегического и превентивного копинга, а со стратегией поиска эмоциональной поддержки не обнаружена – в отличие от данных корреляционного анализа. Иными словами, в последнем случае она была обусловлена внутригрупповой дисперсией, а не влиянием фактора переживания личной угрозы заболевания.

Дисперсионный анализ с помощью критерия Фишера показал, что между группами респондентов, столкнувшись с заболеванием коронавирусной инфекцией, и теми, кто не переживает это как личную угрозу, не обнаружено значимых различий в предпочтениях стратегий проактивного совладания (табл. 6).

При анализе взаимосвязей эмоциональных предпочтений информационного поиска с уровнем осознанности наиболее значимой была корреляция с субшкалой вовлеченности (способности к построению новых социальных отношений в силу чувствительности к контексту взаимодействия), при этом все параметры осознанности значимо коррелировали с текущим аффективным состоянием (табл. 7).

Табл. 2. Средние показатели текущих аффективных состояний респондентов по фактору *Я болел / не болел COVID-19*

Tab. 2. Average indicators of respondents' current actual affect by factor *I had / didn't have COVID-19*

Аффект	Вариант	N	Среднее	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка среднего
Текущий позитивный аффект	Я не болел или думаю, что не болел	65	65,62	13,217	1,639
	Я болел или думаю, что болел	49	58,92	16,25	2,321
Текущий негативный аффект	Я не болел или думаю, что не болел	65	34,38	13,217	1,639
	Я болел или думаю, что болел	49	41,08	16,25	2,321

Табл. 3. Средние показатели текущих аффективных состояний респондентов по фактору эмоциональных предпочтений в информационном поиске

Tab. 3. Average indicators of respondents' current actual affect by the factor of emotional preferences in on-line search

Эмоциональные предпочтения		N	Среднее	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка среднего
Текущий позитивный аффект	Негативная информация	16	55,81	16,526	4,131
	Позитивная информация	31	73,61	8,373	1,504
Текущий негативный аффект	Негативная информация	16	44,19	16,526	4,131
	Позитивная информация	31	26,39	8,373	1,504

Табл. 4. Корреляционный анализ эмоциональных предпочтений с помощью критерия Пирсона, N=114

Tab. 4. Correlation analysis of emotional preferences using the Pearson test, N=114

Стратегии проактивного копинга	Корреляция Пирсона	Значимость (2-сторонняя)
Эмоциональные предпочтения	1	–
Проактивное совладание	0,035	0,71
Рефлексивное совладание	0,304	0,001
Стратегическое планирование	0,294	0,001
Превентивное совладание	0,281	0,002
Поиск инструментальной поддержки	0,055	0,559
Поиск эмоциональной поддержки	0,188	0,045

Табл. 5. Данные однофакторного дисперсионного анализа по фактору предпочтения позитивной / негативной информации

Tab. 5. One-way ANOVA analysis data of the factor of preference for positive / negative information

Стратегии проактивного копинга	F	p
Проактивное совладание	1,168	0,325
Рефлексивное совладание	6,506	0,000
Стратегическое планирование	6,192	0,001
Превентивное совладание	6,669	0,000
Поиск инструментальной поддержки	0,858	0,466
Поиск инструментальной поддержки	1,936	0,128

Итак, мы можем считать третью гипотезу исследования подтвержденной частично: в ситуации переживания глобальной угрозы эмоциональные предпочтения в поиске информации, касающиеся пандемии, связаны с такими стратегиями проактивного совладания, как рефлексивный, превентивный и ориентированный на стратегическое планирование копинг, а также с одним из параметров осознанности.

Заключение

Анализ содержания массовых информационных запросов пользователей в ситуации глобальной угрозы (распространения коронавирусной инфекции) показывает, что в них отражаются особенности оценки потенциальных рисков, атрибуции ответственности и восприятия возможности субъективного контроля за развитием событий. Они имеют амбивалентный характер. С одной стороны, мышление угрозы довольно быстро сменяется мышлением вызова, когда ситуация пандемии начинает восприниматься как характеристика повседневности, приводя к тому, что поиск

Табл. 6. Данные однофакторного дисперсионного анализа по фактору Я болел / не болел COVID-19

Tab. 6. One-way ANOVA analysis data of the factor I had / didn't have COVID-19

Стратегии проактивного копинга	F	p
Проактивное совладание	0,506	0,478
Рефлексивное совладание	0,04	0,842
Стратегическое планирование	0,528	0,469
Превентивное совладание	0,139	0,71
Поиск инструментальной поддержки	1,765	0,187
Поиск инструментальной поддержки	0,08	0,931

Табл. 7. Корреляционный анализ Пирсона взаимосвязей текущего аффективного состояния пользователя с уровнем осознанности, p<0,001, N=114

Tab. 7. Pearson's test of the relationship between emotional preferences in information search and the level of awareness, p<0.001, N=114

Текущий аффект	Позитивный	Негативный
Открытость новому знанию	0,346	-0,346
Порождение новых категорий	0,462	-0,462
Вовлеченность	0,476	-0,476

позитивно или негативно окрашенной информации оказывается не связан с актуальностью переживания угрозы заболевания на личном уровне, нивелируя возможное компенсаторное воздействие эффекта контррегуляции. С другой стороны, наблюдается зависимость эмоциональных предпочтений в информационном поиске о пандемии от ситуативных аффективных состояний пользователей и ряда их личностных особенностей, а именно проблемно-ориентированных стратегий проактивного (ориентированного в будущее) совладания с трудными жизненными ситуациями и вовлеченности как готовности к построению новых социальных связей. Представляется, что неоднозначность выявленных взаимозависимостей между переменными социокогнитивного, ситуационного и личностного уровней отражает сложность переживания человеком ситуации глобальной угрозы и нуждается в дальнейших исследованиях.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, проект № 19-18-00516 «Транзитивное и виртуальное пространства – сходства и различия».

Литература

1. Нестик Т. А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2. С. 47–83. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002
2. Fetzer T., Witte M., Hensel L., Jachimowicz J. M., Haushofer J., Ivchenko A., Caria S., Reutskaja E., Roth C., Fiorin S., Gomez M., Kraft-Todd G., Goetz F. M., Yoeli E. Measuring worldwide COVID-19 attitudes and beliefs. 2020. Режим доступа: <https://osf.io/3sn2k/> (дата обращения: 02.04.2021).
3. Акименко Г. В., Кирина Ю. Ю., Начева Л. В., Селедцов А. М. Психология эпидемии: как пандемия (COVID-19) влияет на психику людей // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2020. Т. 1. № 4. С. 45–54.
4. Ениколопов С. Н., Бойко О. М., Медведева Т. И., Воронцова О. Ю., Казьмина О. Ю. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 2. С. 102–126. DOI: 10.17759/psyedu.2020120207
5. Харламенкова Н. Е., Быховец Ю. В., Дан М. В., Никитина Д. А. Переживание неопределенности, тревоги, беспокойства в условиях COVID-19. 2020. Режим доступа: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html (дата обращения: 15.04.2021).
6. Рассказова Е. И., Леонтьев Д. А., Лебедева А. А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 90–108. DOI: 10.17759/cpp.2020280205
7. Jacobson N. C., Lekkas D., Price G., Heinz M., Song M., O'Malley A. J., Barr P. J. Flattening the mental health curve: COVID-19 stay-at-home orders result in alterations in mental health search behavior in the United States // JMIR Mental Health. 2020. Vol. 7. № 6. DOI: 10.31234/osf.io/24v5b
8. Montemurro N. The emotional impact of COVID-19: from medical staff to common people // Brain, Behavior, and Immunity. 2020. Vol. 87. P. 23–24. DOI: 10.1016/j.bbi.2020.03.032
9. Карпова Э. Б., Николаева Е. А. Негативные психоэмоциональные последствия пандемии COVID-19 в группе риска // Национальный психологический журнал. 2020. № 3. С. 66–74. DOI: 10.11621/npj.2020.0310
10. Луковцева З. В. Пандемия COVID-19 как социальный стрессор: факторы психолого-психиатрического риска (по материалам зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 13–25. DOI: 10.17759/sps.2020110402
11. Баранова В. А., Дубовская Е. М., Савина О. О. Опыт жизнедеятельности и ресурсы преодоления трудностей социальной изоляции в первый период пандемии COVID-19 у студентов // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 10–25. DOI: 10.17759/sps.2021120102
12. Яремчук С. В., Бакина А. В. Субъективное благополучие молодежи и его взаимосвязь с психологической дистанцией до объектов социально-психологического пространства личности в условиях пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 26–43. DOI: 10.17759/sps.2021120103
13. Yu H., Li M., Li Z., Xiang W., Yuan Y., Liu Y., Li Z., Xiong Z. Coping style, social support and psychological distress in the general Chinese population in the early stages of the COVID-19 epidemic // BMC Psychiatry. 2020. Vol. 20. DOI: 10.1186/s12888-020-02826-3
14. Рассказова Е. И., Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Категоричные представления о причинах, проявлениях и последствиях коронавируса: психологическое содержание и связь с поведением // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 2. С. 62–82. DOI: 10.11621/vsp.2020.02.04
15. Fancourt D., Bu F., Wan Mak H., Steptoe A. Covid-19 Social Study. 2020. 48 p. Режим доступа: https://allcatsrgrey.org.uk/wp/download/public_health/3d9db5_d663978c3aa743b69751b3fb2c4a864b.pdf (дата обращения: 02.04.2021).
16. Barros J. M., Melia R., Francis K., Bogue J., O'Sullivan M., Young K., Bernert R. A., Rebholz-Schuhmann D., Duggan J. The validity of Google Trends search volumes for behavioral forecasting of national suicide rates in Ireland // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16. № 17. DOI: 10.3390/ijerph16173201
17. Greving H., Sassenberg K. Threatened individuals prefer positive information during Internet search: An experimental laboratory study // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2018. Vol. 12. № 1. DOI: 10.5817/CP2018-1-6
18. Белинская Е. П., Столбова Е. А., Цикина Е. О. Динамика информационных поисковых запросов о COVID-19 на этапе самоизоляции // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 105–119. DOI: 10.17759/sps.2020110408
19. Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // Lancet. 2020. Vol. 395. P. 912–920. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8

20. Кубрак Т. А., Латынов В. В. Возможности и ограничения информационно-психологического воздействия в ситуации пандемии коронавируса // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2. С. 84–114. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.003
21. Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 70–89. DOI: 10.17759/cpp.2020280204
22. Haass R. The pandemic will accelerate history rather than reshape it. Not every crisis is a turning point // Foreign Affairs. 07.04.2020. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-07/pandemic-will-accelerate-history-rather-reshape-it> (дата обращения: 02.04.2021).
23. Нестик Т. А., Николаев Е. Л. Связь отношения личности к глобальным рискам со страхом смерти и проактивным копингом: эмпирическое исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 4. С. 812–821. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-4-812-821
24. Белинская Е. П., Джураева М. Р. Взаимосвязь проактивного совладания с трудными жизненными ситуациями и уровня осознанности: кросс-культурный анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11. № 1. С. 48–62. DOI: 10.21638/spbu16.2021.103
25. Keng S.-L., Choo X., Tong E. M. V. Association between trait mindfulness and variability of coping strategies: a diary study // Mindfulness. 2018. Vol. 9. № 5. P. 1423–1432. DOI: 10.1007/s12671-018-0885-4
26. Осин Е. Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 91–110.
27. Белинская Е. П., Вечерин А. В., Агадулина Е. Р. Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности // Клиническая и специальная психология. 2018. Т. 7. № 3. С. 192–211. DOI: 10.17759/cpse.2018070312
28. Jemmot J. B., Ditto P. H., Croyle R. N. Judging health status: effects of perceived prevalence and personal relevance // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 50. № 5. P. 899–905. DOI: 10.1037//0022-3514.50.5.899

original article

Mass Information Requests during the COVID-19 Pandemic: Psychological Determinants and Specific Features

Elena P. Belinskaya

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow; <https://publons.com/researcher/2675973>; elena_belinskaya@list.ru

Elena O. Tsikina

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

Elena A. Stolbova

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

Received 15 Apr 2021. Accepted 17 May 2021.

Abstract: The present research featured on-line behavior during the COVID-19 pandemic. As the situation escalated, the number of information requests related to the pandemic decreased, and the content characteristics of search queries became relatively independent from official statements of the Russian government. Early in the epidemic, the content of mass search queries shifted towards positive information as a result of the counter-regulation effect, which required the introduction of personal and situational predictors into the analysis. The main stage of the research revealed an obvious personal / collective dichotomy and the ambivalent nature of risk assessment, responsibility attribution, and subjective control. COVID-19 patients and healthy users demonstrated little difference in the on-line search behavior; however, the difference in their current affective state was quite significant. The problem-oriented strategies of proactive coping (reflexive, strategic, and preventive coping) were connected with emotional preferences in information search, while personal involvement was one of awareness parameters.
Keywords: information search, mindfulness, proactive coping, affective states, counterregulation effect, subjective control

Citation: Belinskaya E. P., Stolbova E. A., Tsikina E. O. Mass Information Requests during the COVID-19 Pandemic: Psychological Determinants and Specific Features. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 427–437. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-427-437>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 19-18-00516 "Transitive and virtual spaces – similarities and differences".

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Nestik T. A. The impact of the COVID-19 pandemic on society: socio-psychological analysis. *Institut psikhologii Rossiiskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 2020, 5(2): 47–83. (In Russ.) DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.002
2. Fetzer T., Witte M., Hensel L., Jachimowicz J. M., Haushofer J., Ivchenko A., Caria S., Reutskaja E., Roth C., Fiorin S., Gomez M., Kraft-Todd G., Goetz F. M., Yoeli E. *Measuring worldwide COVID-19 attitudes and beliefs*. 2020. Available at: <https://osf.io/3sn2k/> (accessed 2 Apr 2021).
3. Akimenko G. V., Kirina Yu. Yu., Nacheva L. V., Seledtsov A. M. Psychology of the epidemic: how a pandemic (COVID-19) affects the psyche of people. *Humanities and social sciences bulletin*, 2020, 1(4): 45–54. (In Russ.)
4. Enikolopov S. N., Boyko O. M., Medvedeva T. I., Vorontsova O. U., Kazmina O. U. Dynamics of psychological reactions at the start of the pandemic COVID-19. *Psychological-Educational Studies*, 2020, 12(2): 102–126. (In Russ.) DOI: 10.17759/psyedu.2020120207
5. Kharlamenkova N. E., Bykhovets Iu. V., Dan M. V., Nikitina D. A. *Experiencing uncertainty and anxiety in during the COVID-19 pandemic*. 2020. Available at: http://www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html (accessed 15.04.2021). (In Russ.)
6. Rasskazova E. I., Leontiev D.A., Lebedeva A. A. Pandemic as a challenge to subjective well-being: anxiety and coping. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2020, 28(2): 90–108. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpp.2020280205
7. Jacobson N. C., Lekkas D., Price G., Heinz M., Song M., O'Malley A. J., Barr P. J. Flattening the mental health curve: COVID-19 stay-at-home orders result in alterations in mental health search behavior in the United States. *JMIR Mental Health*, 2020, 7(6). DOI: 10.31234/osf.io/24v5b
8. Montemurro N. The emotional impact of COVID-19: from medical staff to common people. *Brain, Behavior, and Immunity*, 2020, 87: 23–24. DOI: 10.1016/j.bbi.2020.03.032
9. Karpova E. B., Nikolaeva E. A. Negative psycho-emotional consequences of the COVID-19 pandemic in risk groups. *National Psychological Journal*, 2020, (3): 66–74. (In Russ.) DOI: 10.11621/npj.2020.0310
10. Lukovtseva Z. V. The COVID-19 pandemic as a social stressor: psychological and psychiatric risk factors (based on foreign studies). *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2020, 11(4): 13–25. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2020110402
11. Baranova V. A., Dubovskaya E. M., Savina O. O. Life experience and resources for overcoming the difficulties of social isolation in the first period of the COVID-19 pandemic among students. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2021, 12(1): 10–25. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2021120102
12. Yaremchuk S. V., Bakina A. V. Subjective well-being in early adulthood and psychological distance to the objects of the socio-psychological space during COVID-19 pandemic. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2021, 12(1): 26–43. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2021120103
13. Yu H., Li M., Li Z., Xiang W., Yuan Y., Liu Y., Li Z., Xiong Z. Coping style, social support and psychological distress in the general Chinese population in the early stages of the COVID-19 epidemic. *BMC Psychiatry*, 2020, 20. DOI: 10.1186/s12888-020-02826-3
14. Rasskazova E. I., Emelin V. A., Tkhostov A. Sh. Radical beliefs about the causes, manifestations and consequences of coronavirus: the psychological content and their relationship with behavior. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2020, (2): 62–82. (In Russ.) DOI: 10.11621/vsp.2020.02.04
15. Fancourt D., Bu F., Wan Mak H., Steptoe A. *Covid-19 Social Study*. 2020, 48. Available at: https://allcatsrgrey.org.uk/wp/download/public_health/3d9db5_d663978c3aa743b69751b3fb2c4a864b.pdf (accessed 2 Apr 2021).
16. Barros J. M., Melia R., Francis K., Bogue J., O'Sullivan M., Young K., Bernert R. A., Rebholz-Schuhmann D., Duggan J. The validity of Google Trends search volumes for behavioral forecasting of national suicide rates in Ireland. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019, 16(17). DOI: 10.3390/ijerph16173201
17. Greving H., Sassenberg K. Threatened individuals prefer positive information during Internet search: An experimental laboratory study. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 2018, 12(1). DOI: 10.5817/CP2018-1-6

18. Belinskaya E. P., Stolbova E. A., Tsikina E. O. The dynamics of information search queries about COVID-19 at the self-isolation stage. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2020, 11(4): 105–119. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2020110408
19. Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *Lancet*, 2020, 395: 912–920. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8
20. Kubrak T. A., Latynov V. V. Opportunities and limitations of information-psychological influence in the situation of the coronavirus pandemic. *Institut psikhologii Rossiiskoy akademii nauk. Sotsialnaya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 2020, 5(2): 84–114. (In Russ.) DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.003
21. Tkhostov A. Sh., Rasskazova E. I. Psychological contents of anxiety and the prevention in an infodemic situation: protection against coronavirus or the "vicious circle" of anxiety? *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2020, 28(2): 70–89. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpp.2020280204
22. Haass R. The pandemic will accelerate history rather than reshape it. Not every crisis is a turning point. *Foreign Affairs*, 07.04.2020. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-07/pandemic-will-accelerate-history-rather-reshape-it> accessed 2 Apr 2021).
23. Nestik T. A., Nikolaev E. L. Relationship between attitudes to global risks, fears of personal death, and proactive coping: an empirical study. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2020, 17(4): 812–821. (In Russ.) DOI: 10.17323/1813-8918-2020-4-812-821
24. Belinskaya E. P., Djuraeva M. R. The relationship between proactive coping with difficult life situations and the level of mindfulness: a cross-cultural analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2021, 11(1): 48–62. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu16.2021.103
25. Keng S.-L., Choo X., Tong E. M. V. Association between trait mindfulness and variability of coping strategies: a diary study. *Mindfulness*, 2018, 9(5): 1423–1432. DOI: 10.1007/s12671-018-0885-4
26. Osin E. N. Measuring positive and negative affect: development of a Russian-language analogue of PANAS. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2012, 9(4): 91–110. (In Russ.)
27. Belinskaya E. P., Vecherin A. V., Agadullina E. R. Proactive coping inventory: adaptation to a non-clinical sample and the predictive capability. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*, 2018, 7(3): 192–211. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpse.2018070312
28. Jemmot J. B., Ditto P. H., Croyle R. N. Judging health status: effects of perceived prevalence and personal relevance. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986, 50(5): 899–905. DOI: 10.1037//0022-3514.50.5.899